

ДОМИНИРУЮЩИЕ ВИДЫ ИХТИОФАУНЫ ОРЕНБУРЖЬЯ 1930-х ГОДОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ О СТРУКТУРЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА

В статье излагаются представления о разнообразии рыб Оренбургской области в 1930-е годы, а также о рыбном промысле того времени, основанные на изучении архивных документов. Доказывается, что основными промысловыми рыбами в водоемах Оренбургской области в 1930-е годы были подуст, лещ, щука и карась.

Уже давно сделалась очевидной необходимость познания изменений, происходящих и уже произошедших в окружающей природной среде вследствие человеческой деятельности. Такая необходимость признана, в частности, в отношении познания изменений животного мира, в том числе рыб. Данная работа выполнена в рамках исследований биоразнообразия рыб Оренбургской области из соображений о получении представления о разнообразии рыб области в 1930-е годы для последующего его сравнения как с более ранними, так и с более поздними состояниями разнообразия рыб Оренбуржья.

Тридцатые годы XX столетия с точки зрения познания изменений биоразнообразия рыб Оренбургской области представляются весьма интересным периодом по следующим причинам. Во-первых, по крайней мере на относительно короткоцикловых рыбах, во все времена характерных для нашей области, в 1930-е годы уже должны были сказаться изменения, которые могли произойти вследствие коренных преобразований общественного устройства России в революционные годы и в первые годы советской власти. Во-вторых, специфика существовавшей в то время организации рыбного промысла дает возможность использовать данные отчетности рыбодобывающих хозяйств для изучения разнообразия рыб области, что ниже будет подробно рассмотрено.

Излагаемые представления о разнообразии рыб Оренбургской области в 1930-е годы, а также о рыбном промысле того времени основаны на изучении архивных документов, описывающих уловы рыб в пределах Оренбуржья.

Совокупность имеющихся данных позволяет не сомневаться в том, что основными рыбодобывчиками на территории области в конце 1930-х – начале 1940-х годов были рыболовецкие колхозы (далее – рыбколхозы). Каждый рыбколхоз являлся частью Чкаловского (Оренбургского) областного Госрыбтреста. Област-

ной Госрыбтрест представлял собой трехступенчатую структуру, объединявшую рыбодобывающие, рыбоперерабатывающие и рыболовные предприятия области. Высшим звеном этой структуры являлась собственно контора «Госрыбтрест», в непосредственном подчинении которой находились рыбокопильные заводы (рыбзаводы), рыботорварные фермы, рыбопитомники. Каждый рыбзавод, в свою очередь, имел у себя в подчинении некоторое количество рыбколхозов [4, 9, 20, 23, 29, 31, 32].

Общее количество рыбколхозов в системе областного рыбтреста постоянно менялось и в конце 1930-х годов составляло порядка 20 [4]. Система рыбтреста и в 1930-е годы, и позднее предполагала выполнение рыбколхозами роли поставщиков сырья для рыбзаводов [28, 32, 33]. Рыбтрест ежегодно составлял сводный отчет, содержащий сведения о суммарной добыче рыбы, общем количестве участников рыбного промысла, прочие сводные экономические показатели подчиненных ему предприятий [4, 23]. Составление таких отчетов было бы невозможно без сведения аналогичных данных, содержащихся в ежегодных отчетах рыбколхозов [11, 13, 15]. Рыбколхозы, действительно, направляли в рыбтрест ежегодные отчеты о своей деятельности, чему найдены документальные подтверждения.

Взаимоотношения рыболовецких колхозов с районными властями в рассматриваемый период нами детально не исследовались, но, по видимому, их подчинение районным властям существовало. Рыбколхозы, документация которых нами изучалась, занимались не только рыбодобывающей деятельностью, но и сельским хозяйством, в частности растениеводством [11, 13, 15, 25]. Учитывая, что многие (возможно, все) рыбколхозы не получили к тому времени государственный акт на вечное пользование землей [25], мы предполагаем, что их землепользование регулировалось с тем или иным участием районных властей. Кроме того, найдено

указание на подчинение рыбколхозов районным властям в вопросах движения членов колхоза [27]. В отношении несколько более позднего времени, 1950-х годов, нами найдены многочисленные указания на подчинение рыбколхозов районным властям [34, 36, 38, 40].

Помимо отчета о своей деятельности, направлявшегося на рыбзавод, каждый рыбколхоз в конце 1930-х представлял в областную рыбинспекцию ежегодный отчет о вылове рыбы по породам для каждого использовавшегося им водоема [8]. За 1940 год найдено множество аналогичных ежемесячных отчетов, направлявшихся рыбколхозами в областную рыбинспекцию [22]. По-видимому (по крайней мере, в конце тридцатых), составлявшиеся областной рыбинспекцией отчетные документы о вылове рыбы по породам на территории Оренбургской области делались на основе этих колхозных отчетов.

В своей совокупности сохранившиеся документы рыбинспекции освещают вылов рыбы в 1930-е годы по породам как для области в целом, так и для отдельных водоемов, вплоть до отдельного пойменного озера или малой реки. Для области в целом существуют подробные сведения о вылове рыбы по породам с 1932 по 1940 год включительно [7, 19]. Отдельно учитываются 8 – 10 наиболее промыслово значимых пород рыб, все остальные породы рыб сведены в группу «прочие». В документах о вылове рыбы по области в целом водоемы не показаны, но имеются некоторые сведения об орудиях лова [5].

Прежде чем приводить конкретные цифры уловов рыбы в водах Оренбургской области в 1930-е годы или сравнивать их с близкими к настоящему времени уловами в водах области, считаю необходимым сделать некоторое сообщение касательно рыболовных вод и рыбного промысла Оренбуржья в 1930-е годы и в настоящее время.

Рыбодобывающая деятельность велась в 1930-е годы на территории Оренбургской области: на реке Урал и всей системе его пойменных озер; на реке Илек с ее системой пойменных озер, на других реках бассейна Урала (Сакмара, Большой Ик и др.) с их системами пойменных озер; на протекающих по области реках бассейна Волги (Ток, Самара и др.) с их пойменными системами и даже малыми притоками [8]. Имеющиеся документы позволяют признать, что промышленная добыча рыбы была поставлена в области повсеместно, за исключением крупных степных озер восточного

Оренбуржья [8, 10, 12, 14, 16, 17, 24]. В отношении 1930-х и 1940 года нами не найдено ни одного упоминания о промысловом лове на озерах Шалкар-Ега-Кара, Жетыколь или других восточных озерах области.

По-видимому, отсутствие в 1930-е годы рыбного промысла на восточных озерах области связано со спецификой его организации. Как уже говорилось, рыбный промысел в области осуществлялся практически исключительно рыбколхозами [21]. Каждый из них базировался в каком-либо населенном пункте (или в нескольких населенных пунктах) и осуществлял лов рыбы только в непосредственной близости к своим базам. Лов в отдаленных от базы водах (так называемый экспедиционный лов), получивший распространение в 1950-е годы, в отношении 1930-х применительно к рыбколхозам Оренбуржья не упоминается и, по-видимому, в нашей области отсутствовал. Имеющиеся документы позволяют однозначно связывать распространение экспедиционного лова с появлением в рыбколхозах грузового автотранспорта, а его появление в рыбколхозах приходится уже на послевоенные годы [35, 37, 38, 41, 42, 43]. Таким образом, отсутствие промысловой добычи рыбы на озерах восточного Оренбуржья может быть объяснено отсутствием в 1930-е годы и рыбколхозов в непосредственной близости к ним, и экспедиционного лова рыбы.

В настоящее время основным рыбопромысловым водоемом Оренбуржья признано Ириклинское водохранилище [3]. Промысловое значение всех остальных водоемов, включая и водохранилища (например, Домашкинское, Черновское, Кумакское), признано незначительным сравнительно с промысловым значением Ириклинского водохранилища [3]. Однако здесь нельзя не признать того, что точных сведений о вылове рыбы где бы то ни было в области за настоящее время и любой год начиная с 1991 не существует, и в принципе существовать не может по следующим причинам. Первая: все имеющиеся сведения основаны лишь на представляемых в рыбинспекцию отчетах лицензиатов. Рыболовы-любители, местные жители, ловившие рыбу для собственных нужд, и браконьеры не представляли и не представляют какую бы то ни было отчетность. Вторая: в 1990-е годы на водах области распространился браконьерский лов рыбы в промышленных масштабах, что сделало нелегальную рыбодобычу, по крайней мере, сопоставимой с лицензионной

по количеству выловленной рыбы. Нет никаких оснований полагать, что в текущее десятилетие по области в целом браконьерский лов рыбы уже несопоставимо мал сравнительно с легальным ловом. Третья: нет никаких оснований полагать, что контроль за точностью отчетности лицензиатов позволяет оценивать степень ее достоверности.

Возникает естественный вопрос о достоверности сведений о вылове рыбы на территории области в 1930-е годы, сохранившихся в документах рыбинспекции. Для оценки степени достоверности этих сведений предлагаю принять во внимание следующие обстоятельства того времени.

Первое. Основными легальными добытчиками рыбы в водоемах области были рыбколхозы системы областного Госрыбтреста. Имеющиеся документы позволяют рассматривать количество рыбы, легально добытой в водах области другими организациями, как ничтожно малое сравнительно с уловом рыбколхозов Госрыбтреста [21]. Рыбколхозы Госрыбтреста представляли в рыбинспекцию подробную ежегодную отчетность о вылове рыбы по породам и водоемам, в отношении 1940 года сохранилась даже ежемесячная отчетность [8, 22].

Второе. Общеизвестно, что в конце 1930-х годов в Оренбургской области не было широкого распространения личного автотранспорта. Следовательно, значительно удаленные от городской черты рыболовные угодья были малодоступны для основной массы горожан. Кроме того, насколько можно судить по литературе, рыболовы-спортсмены и любители середины XX века пользовались лишь крючковыми снастями. Промысловые орудия лова (сети, невода и др. орудия обьечаивающего или отцеживающего типа) ими в то время не применялись [2].

Третье. В силу второго обстоятельства возможное браконьерство конца 1930-х годов выглядит делом практически исключительно сельского населения. Здесь следует принять во внимание общеизвестный факт бедности сельского населения того времени. Например, при том, что ставки рабочих Оренбургского рыбокопильного завода составляли в 1937г. 109–131 рублей в месяц [30], доход рыбака-колхозника (правда, по-видимому, только от добычи рыбы) в 1939-1940 гг. исчислялся суммой порядка 400-800 рублей в год [18, 26]. Считаю необходимым принять во внимание и то, что в конце 1930-х не могло существовать капроновых орудий

лова – то есть исключается характерное для нашего времени предложение на рынке значительного количества дешевых капроновых промысловых орудий лова. Следовательно, сельский браконьер пользовался либо колхозными, либо самодельными орудиями.

Четвертое. Сбыт на городской рынок рыбы, браконьерски добытой вдалеке от города, потребовал бы не менее суток, и в течение этого времени невыход браконьера (сельского жителя) на работу должен был бы быть оправдан. Учитывая наши опросные данные о жестком контроле за выходом колхозников на работу, существовавшем в 1930-е годы, и общеизвестный репрессивный характер советской власти того времени, сбыт браконьерской рыбы (во всяком случае, добытой вдалеке от города!) выглядит значительно более сложным делом, чем в наши дни.

Пятое. Данные 1930-х годов о выполнении рыбколхозами плана добычи рыбы в совокупности со сведениями о валовой добыче рыбы в системе рыбтреста, а также с общеизвестными сведениями о репрессивном характере власти того времени с развитой системой сигнализирования о нарушениях установленного порядка свидетельствуют не в пользу предположений о том, что скрытая от отчетности часть улова в то время была значительна.

Приняв во внимание все перечисленные обстоятельства, мы считаем, что данные рыбинспекции о добыче рыбы в 1930-е годы достаточно объективно отражают реально существовавшее положение вещей с некоторой ошибкой в сторону занижения относительно реального вылова рыбы.

Каковы же были уловы рыбы в Оренбургской области в 1930-е годы? Сохранившиеся документы рыбинспекции содержат представленные в виде таблиц данные, показывающие для каждого года вылов нескольких пород рыб по отдельности; вылов остальных пород рыб, сведенных в группу «прочая»; валовую добычу рыбы в водоемах области [7, 19]. Добыча каждой породы рыб в каждом году дана в килограммах (!), причем, за исключением 1940 года, с дифференциацией на крупную, среднюю и мелкую рыбу. Сохранившиеся данные областной рыбинспекции [7, 19] представляют следующую картину.

Валовая добыча рыбы в 1932–1940 годах колебалась в пределах 540–762 тонны в год. Здесь следует учитывать, что Оренбургская об-

ласть существует с 1934 года, и не совсем ясно, о каком улове рыбы в водах области можно говорить в отношении предшествующих лет. Некоторую ясность вносит сохранившееся среди документов рыбинспекции предписание, датированное 15 ноября 1939 года и требующее от областной рыбинспекции представить в вышестоящую инстанцию данные о вылове рыбы по породам начиная с 1932 года [6]. Начиная с 1932 года они и представлены в сохранившихся документах рыбинспекции, но предписание-то датировано концом 1939 года!

Обработка данных рыбинспекции показала подозрительно одинаковую долю каждой породы рыб в валовой добыче в период с 1932 по 1937 год включительно, подсчитанную с точностью до 1%. И это при том, что в отчетных документах рыбинспекции количество улова рыбы каждого вида указано с точностью до килограмма! Лишь начиная с 1938 года доли разных пород рыб начинают колебаться в пределах нескольких процентов. Принимая во внимание вышеупомянутое предписание и общеизвестный жестко репрессивный характер советского государства того времени, мы предполагаем следующее объяснение подозрительно одинаковой доли каждого вида в валовой добыче с 1932 по 1937 год включительно.

Областная рыбинспекция, имея сведения о валовой добыче рыбы на территории области за годы с 1932 по 1937, не располагала информацией о вылове отдельных пород рыб до 1937 года. Однако не выполнить требование предписания было опасно, и областная рыбинспекция получила недостающие данные путем экстраполяции. Была подсчитана доля каждой породы рыб в валовой добыче 1937 года, и эта же доля была принята для вычисления количества вылова каждой породы рыб в годы до 1937-го. Как косвенное подтверждение данного предположения рассматриваем тот факт, что для периода 1932-1937 годов включительно в документах даны одни и те же породы рыб, а в последующие годы состав указанных в документах пород рыб несколько меняется [7, 19].

Что касается данных за 1937 и позднейшие годы о вылове разных пород рыб, то мы пока не располагаем основаниями рассматривать их как продукт экстраполяции или интерполяции, а не как результат суммирования первичных данных, поступивших из рыбодобывающих организаций. Дальнейшие сравнения вылова разных пород рыб и выводы о составе ихтио-

фауны области в 1930-е годы делались нами на основе данных 1937-1940 годов.

Обращает на себя внимание, что львиную долю валовой добычи рыбы составляет группа «прочие» – от 35% в 1940 году до 47-54% в 1937-1939 годы. По совокупности имеющихся данных мы предполагаем, что в группу «прочие» попадала: 1 – особо мелкая рыба, сбывавшаяся без учета породы, так называемая «мелочь-отбой» [8]; 2 – рыба пород, не учитывавшихся отдельно в документах рыбинспекции, но учитывавшихся в первичных документах рыбодобывающих организаций. Так, в отчетных документах рыбинспекции упоминается до 10 пород рыб, в то время как в отчетах рыбколхозов неоднократно имеются данные о порядка двадцати породах рыб [7, 8, 19].

Столь большая сводная группа «прочие» уже сама по себе не позволяет назвать какую-то одну особо значимую для промысла породу ихтиофауны области, доля которой в валовой рыбодобыче превысила бы 50%. Однако выделяются четыре породы рыб, общая доля которых в рыбодобыче составляет 40-46%, а доля каждой – не менее 5%. Прежде всего это подуст, доля которого в валовой рыбодобыче равна 21% или 22%. Вторая порода этой группы – лещ с долей в валовой рыбодобыче от 7% до 9%. Доля щуки и карася несколько меньше – по 5-8% валовой рыбодобычи у каждой породы. В 1940 году четверка «лидеров» превращается в пятерку за счет голавля, доля которого в этом году составляет 10% валовой рыбодобычи.

Помимо выделения «лидеров» данные рыбинспекции позволяют отметить следующее. Доля сазана в валовой рыбодобыче составляла 2-3%, доля язя – 2-4%, доля судака – 1-2%. В 1937 году доля в валовой рыбодобыче чехони, жереха и линя вместе взятых составила 1%, такова же в 1938 году была доля сома. В 1939 году 3% валовой рыбодобычи пришлось на густеру.

Итак, по данным рыбинспекции, собиравшимся на основе отчетности о промысловых уловах, основными промысловыми рыбами области выглядят подуст, лещ, щука и карась.

Учитывая, что вышеупомянутые данные рыбинспекции составлялись на основе отчетов об уловах по всем водоемам области кроме восточных озер, считаю возможным заключить, что в конце 1930-х в ихтиофауне водоемов Оренбургской области (кроме восточных озер) господствующее положение занимали, прежде всего, подуст, а также лещ, щука и карась.

Подуст – реофильный бентофаг с хорошо выраженной специализацией к добыванию корма из грунта. Карась – лимнофильный бентофаг с ярко выраженной адаптацией к низкому содержанию кислорода и высокому содержанию взвешенных частиц в воде. Лещ – бентофаг, равно адаптированный к обитанию как в текущей воде, так и в незаморном озере. Щука – засадный хищник, питающийся в том числе перечисленными рыбами. Имеется описание щуки как гонного хищника, однако приведенные в данном источнике условия превращения щуки из засадного хищника в гонного (большие площади открытых водных пространств

над значительными глубинами) не могли иметь место в водах Оренбуржья, охваченных рыбным промыслом в 1930-е годы [1].

Преобладание в водоемах области подуста, леща и карася может рассматриваться, на наш взгляд, как свидетельство благоприятности этих водоемов для рыб, питающихся преимущественно зообентосом. Вхождение щуки в число основных промысловых рыб позволяет говорить о том, что через посредство этого вида промыслом осваивался ресурс прироста ихтиофауны за счет утилизации зоопланктона, так как основная пища щуки – мелкая рыба и моллюды рыб, питающаяся зоопланктоном.

Список использованной литературы:

1. А.Г.Поддубный, Л.К.Малинин. Миграции рыб во внутренних водоемах. М., Агропромиздат, 1988. – 224 с.
  2. Рыболов-спортсмен. Рассказы, очерки и статьи о спортивной рыбной ловле. Книга 5. М., Физкультура и спорт, 1955. – 355 с. Фонды Института степи УрО РАН.
  3. Отчет Уральского Филиала ФГУП Государственный научно-производственный центр рыбного Хозяйства «Биологическое обоснование к прогнозу общих допустимых уловов рыбы в водоемах Урала в 2005 г. (Оренбургская область)». Фонды Государственного архива Оренбургской области.
  4. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 26, листы 1 – 4об.;
  5. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 27, лист 1;
  6. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 27, лист 4;
  7. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 27, листы 1-3, 8, 14;
  8. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 30, листы 1-16;
  9. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 32, лист 40;
  10. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 33, листы 1, 22, 54;
  11. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 33, листы 1 – 57;
  12. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 34, листы 1, 21, 43;
  13. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 34, листы 1 – 46;
  14. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 35, листы 1, 24, 36;
  15. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 35, листы 1 – 57;
  16. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 36, листы 1, 29, 55;
  17. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 37, листы 1, 13, 25, 37;
  18. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 37, лист 24об., 48об.;
  19. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 48, лист 116а;
  20. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 48, листы 127, 128;
  21. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 48, листы 128, 137;
  22. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 48, листы 153, 165, 178, 206, и др.;
  23. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, листы 1 – 8;
  24. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, листы 9, 35, 43, 51, 59, 77, 94, 129, 137;
  25. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, листы 11, 37, 61;
  26. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, листы 16 об., 42 об., 50 об., 66 об., 143 об., 195 об.;
  27. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, лист 101об.;
  28. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 49, лист 143об.;
  29. Фонд Р-970, опись 1, ед. хр. 52, лист 4;
  30. Фонд Р-1245, опись 1, ед. хр. 1, листы 9-10;
- Фонды Центра документации новейшей истории Оренбургской области.
31. Фонд 371, опись 4, ед. хр. 390, листы 1, 2, 9;
  32. Фонд 1687, опись 1, ед. хр. 22, листы 19, 39, 40;
- Фонды Архива администрации Оренбургского района Оренбургской области.
33. Фонд 68, опись 1, ед. хр. 1, листы 60 – 80 и др.;
  34. Фонд 68, опись 1, ед. хр. 9, лист 39;
- Фонды Архива администрации Ташлинского района Оренбургской области.
35. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 5, листы 18об, 19;
  36. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 7, лист 14;
  37. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 8, лист 6об.;
  38. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 9, лист 3;
  39. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 9, лист 17об.;
  40. Фонд 67, опись 1, ед. хр. 14, листы 33, 33 об.;
  41. Фонд 68, опись 1, ед. хр. 4, лист 7об.;
  42. Фонд 68, опись 1, ед. хр. 12, л.6об.;
  43. Фонд 68, опись 1, ед. хр. 20, л.56;